

Плюсквамперфект в шугнанском и других памирских языках

М. Г. Меленченко

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (Москва, Россия);

maksmerben@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9040-2318

Аннотация. Статья представляет сравнительный обзор форм плюсквамперфекта в памирских языках. Источниками служат существующие грамматические описания, а также данные, полученные при работе с носителями современных шугнанского и ишкашимского языков. В большинстве языков памирского ареала плюсквамперфект образуется аналитически, а в некоторых языках — суффиксально. Памирские плюсквамперфекты обладают типологически ожидаемым набором значений: кластер «сверхпрошлого» и ирреальности. Наиболее интересная ситуация обнаруживается в хорогском шугнанском — плюсквамперфект потерял здесь традиционные для этой категории значения давнопрошедшего и предшествования в прошлом и сузил свою сферу употребления до ирреальных контекстов.

Ключевые слова: плюсквамперфект, памирские языки, шугнанский, ишкашимский

Благодарности: Выражаю благодарность анонимному рецензенту за ценные комментарии, всем жителям Памира, которые помогли в сборе представленных данных, а также моим коллегам: А. А. Сергиенко, который по моей просьбе собрал данные ишкашимского языка, и А. О. Бадееву за советы при подготовке статьи. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Меленченко М. Г. Плюсквамперфект в шугнанском и других памирских языках // Индоиранские языки. 2025. 1(1). С. 50–88.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.4

The Pluperfect in Shughni and other Pamir languages

Maksim G. Melenchenko

HSE University (Moscow, Russia);

maksmerben@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9040-2318

Abstract. The article presents a comparative review of Pluperfects in Pamir languages, addressing both structural and semantic properties of these forms. The data comes from the existing grammatical descriptions as well as recent work with speakers of contemporary Shughni and Ishkashimi conducted in Tajikistan.

In the majority of Pamir languages (Bartangi, Roshorvi, Wakhi, Ishkashimi, Sanglechi, Yazghulami), Pluperfect is formally a periphrastic construction consisting of the Perfect form of the lexical verb and the Preterite form of the auxiliary verb ‘to be’. In several languages of the Shughni-Rushani group (Shughni, Rushani, Khufi, Sarikoli), however, Pluperfects are derived from Perfects by means of a suffix. The origins of this suffix are unclear; some scholars trace it back to the auxiliary ‘to be’. Many Pamir languages have developed a whole series of periphrastic forms which employ the Perfect form of the lexical verb and different tense forms of the auxiliary — possibly, under Tajik influence.

As regard their semantics, Pamir Pluperfects seem to have a typologically expected set of meanings. According to the 20th century grammars, they show a clustering of discontinuous past (often called “distant past” in the literature) and irreal uses. Some fresh data elicited in 2023–2024 shows that in the Khorugh variety of Shughni, Pluperfect has lost its traditional discontinuous past meaning, and the stimuli that formerly prompted its use in this meaning are unanimously described as incorrect by modern Khorugh speakers. Today the Shughni Pluperfect is only used as an irreal marker, namely, in counterfactual conditional or avertive contexts. In all other contexts, it is interchangeable with Perfect, which has a wider set of functions (most notably, evidential and experiential meanings). This fact may indicate that in Khorugh Shughni, Pluperfect is slowly dying out. At the same time, certain suggests that other Shughni dialects spoken in rural area can be more conservative in this respect. As preliminary research shows, though, the contemporary Ishkashimi Pluperfect has retained its discontinuous past contexts.

Key words: Pluperfect, Pamir languages, Shughni, Ishkashimi

Acknowledgements: I express my gratitude to the anonymous reviewer for his/her invaluable comments, as well as to the Pamiris who helped collect the data for this study, and to my colleagues: A. Sergienko, who collected the Ishkashimi data, and A. Badeev for his advice. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Melenchenko M. G. The Pluperfect in Shughni and other Pamir languages. *Indo-Iranian languages*. 2025. 1(1). P. 50–88.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.4

1. Введение

Глагольные формы, именуемые плюсквамперфектами, — неотъемлемая часть грамматического описания шугнанского языка и других памирских языков¹. Статья посвящена сравнительному описанию морфосинтаксиса и семантики этих форм в памирских языках. Данные шугнанского получены методом эlicitации при работе с носителями языка в г. Хорог (Таджикистан) в 2023–2024 гг., а также из шугнанского корпуса памирского проекта ВШЭ [Makarov et al. 2022], в котором на 2024 г. содержится около 65 000 токенов. Данные ишкашимского языка собраны в кишлаке Рын (Таджикистан) в 2024 г. Для других языков были изучены существующие грамматические описания.

Памирские языки — ареальное объединение языков восточно-иранской группы, распространённых на территории Западного Памира, в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана и в близлежащих регионах Афганистана, Пакистана и Китая. Общее число носителей памирских языков в ГБАО в конце 1990-х гг. оценивалось в 170 000 человек [Edelman, Dodykhudoeva 2009a: 775]. Согласно современным научным представлениям, памирские языки не образуют единой генеалогической группы, и в литературе нет консенсуса касательно их внутренней классификации [Edelman, Dodykhudoeva 2009a: 773–775;

¹ В этой статье я использую слово «плюсквамперфекты» во множественном числе применительно к формам разных языков, при этом в каждом из обсуждаемых языков есть только одна категория плюсквамперфекта.

Wendtland 2009; Parker 2023: 40–49]. Общеизвестным генеалогическим объединением более низкого уровня является шугнано-рушанская группа, в которую входят шугнанский, рушанский, хуфский, бартангский, рошорвский и сарыкольский языки. Первые пять идиомов, географически образующие своего рода диалектный континуум, в советско-российской иранистической традиции обычно рассматриваются как отдельные языки, а в англоязычной иногда считаются диалектами общего шугнанского языка (Shughni)². В настоящей статье шугнано-рушанские языки считаются шестью отдельными языками. Кроме языков шугнано-рушанской группы, к памирским обычно причисляют ваханский, ишкашимский (и сангличский, иногда считающийся диалектом ишкашимского), язгулямский (который, согласно [Соколова 1967], родственен шугнано-рушанским), а также иногда языки йидга и мунджанский. Шугнанский язык является самым многочисленным из памирских языков, число говорящих на нём оценивается примерно в 100 000 человек [Edelman, Dodykhudoeva 2009b: 788]. В настоящей статье приводятся данные всех вышеперечисленных языков, кроме йидга и мунджанского; особое внимание уделяется шугнанскому, для которого собрано много данных³.

Термином «плюсquamперфект» в лингвистике традиционно называется такая видовременная глагольная форма, которая имеет

² Примерами этой тенденции могут служить, с одной стороны, многие публикации русскоязычных авторов [Карамшоев 1963, 1988; Эдельман 1975; Пахалина 1989] и, с другой, англоязычных [Beck 2013; Müller 2015; Olson 2017]. Однако, как справедливо отметил анонимный рецензент, из этой тенденции есть исключения: см., например, работы [Payne 1980; Wendtland 2009; Stump, Hippisley 2011; Parker 2023: 49], где шугнано-рушанские идиомы считаются отдельными языками, или работы [Соколова 1963, 1966], где они считаются диалектами.

³ Примеры из шугнанского, рушанского и бартангского языков в статье приведены в иранистической транскрипции на основе латиницы, принятой в памирском проекте ВШЭ: <https://pamiri.online/blog/ortho>. Для других языков сохранена исходная латинская транскрипция, а исходная кириллическая конвертирована в латиницу. Кириллические буквы *ь* и *ы*, используемые в советских публикациях для ишкашимского и ваханского соответственно, заменены на латинские буквы *ə* и *i*, отражающие примерное произношение этих гласных по МФА. В примерах в адаптированном виде используется система глосс памирского проекта ВШЭ.

значение «предпрошедшего» или «прошедшего в прошедшем». При этом, как показывают типологические исследования, для плюсквамперфектов типична полисемия с другими характерными значениями [Сичинава 2013: 21–42]. С точки зрения структуры плюсквамперфекты обычно являются аналитическими и зачастую состоят из формы перфекта лексического глагола и формы прошедшего времени вспомогательного глагола [Сичинава 2013: 17–21]. Как будет показано ниже, формы плюсквамперфекта в памирских языках во многом соответствуют этому типологическому портрету, хотя имеют и некоторое количество отличий (как в структуре, так и в семантике). Несмотря на эти отличия, идентификация форм, подходящих под устоявшееся понимание термина «плюсквамперфект», для этих языков не вызывает затруднений, тем более что он часто используется в памироведческой литературе.

Статья организована следующим образом. В разделе 2 обсуждается образование форм плюсквамперфектов в памирских языках, а в разделе 3 — их грамматико-семантические значения. В разделе 4 подводятся итоги.

2. Устройство форм

Видовременные глагольные системы памирских языков сравнительно компактны. Памирские языки располагают тремя основными индикативными формами (традиционные ярлыки — презенс, претерит и перфект), а также формами императива и инфинитива, основы которых в некоторых языках могут различаться нерегулярно. Исторически основа перфекта происходит от причастия на *-ka* и *-č̣*, образованного от основы претерита [Додухудоева 1988: 68–82; Пахалина 1989: 202]. В современных шугнано-рушанских языках рефлексам этих показателей являются соответственно суффиксы *-č̣/-j̣* (исторически суффиксы основы мужского рода) и *-c/-z* (женского рода). Кроме того, у многих глаголов форма перфекта отличается от претерита нерегулярным чередованием в корне [Меленченко 2023: 122–124]. В других памирских языках образование перфекта происходит в разной степени более регулярно — например, в ишкашимском перфект

образуется от основы претерита с помощью суффиксов *-uk/-ûk* без чередований [Пахалина 1959: 54]. Категория плюсквамперфекта присутствует во всех памирских языках, как и в подавляющем большинстве иранских языков [Выдрин 2023: 106]. Во всех памирских языках форма плюсквамперфекта образуется от основы перфекта: в некоторых синтетически (с помощью суффикса), в других аналитически (с помощью вспомогательного глагола).

В большинстве языков шугнано-рушанской группы, включая шугнанский, форма плюсквамперфекта образуется синтетически присоединением суффикса *-at* (шугнанский и хуфский)/*-it* (рушанский и сарыкольский)⁴ к основе перфекта (1) [Соколова 1963: 75].

- шугнанский (баджувский диалект)
- (1) *aṣīb=um tu-rd lûv-ǰ-at: <...>*
 позавчера=1SG PRON.2SG-DAT говорить-PF-PQP
 ‘Позавчера я тебе **сказал**: <иди, работай со своим братом>.’
 [Карамшоев 1963: 163]

В традиции описания шугнанского языка некоторые авторы выделяют отдельную «основу плюсквамперфекта» на *-at* [Додыхудоева 1988: 76; Edelman, Dodykhudoeva 2009b: 797]. Однако форма плюсквамперфекта, в отличие от прочих основ, всегда регулярно образуется от основы перфекта. Более того, она не является в морфологическом смысле основой для образования никаких других форм. По этим причинам я согласен с К. Паркером в том, что шугнанскую форму плюсквамперфекта нецелесообразно считать отдельной основой [Parker 2023: 257–258]. По-видимому, эти аргументы также применимы к рушанскому, хуфскому и сарыкольскому.

В бартангском и рошорвском шугнанской синтетической форме соответствует аналитическая конструкция, образуемая сложением перфекта лексического глагола с формой претерита

⁴ Согласно [Эдельман 1990: 114], в шахдаринском диалекте шугнанского используются и суффикс *-at*, и суффикс *-it*, при этом шахдаринский диалект распространён к юго-востоку от Хорога, то есть на территории, не примыкающей к ареалам рушанского и хуфского языков. Работа, проведённая в 2024 г. в кишлаке Нижний Бидиз, который относится к шахдаринскому диалекту, показала, что опрошенные мной жители этого кишлака используют суффикс *-it*.

вспомогательного глагола *vi:vud* ‘быть’⁵ [Карамхудоев 1973: 171–172; Курбанов 1976: 126]. Вспомогательный глагол в этом случае (как и форма перфекта лексического глагола) согласуется с подлежащим по роду (2). При этом, по замечанию Н. Карамхудоева, в переходных клаузах с подлежащим в единственном числе всегда употребляется форма мужского рода единственного числа *vud*, вне зависимости от рода подлежащего (3) [Карамхудоев 1973: 171].

бартангский

- (2) a. *yim ar-um sic vad.*
D1.SG DOWN-D3 идти.PF.F быть.PST.F
‘Она туда **ходила**.’
b. *yim ar-um suč vud.*
D1.SG DOWN-D3 идти.PF.M быть.PST.M
‘Он туда **ходил**.’ [Карамхудоев 1973: 171]

бартангский

- (3) a. *um=i mis luv-ǰ vud.*
D3.F.SG.O=3SG тоже говорить-PF быть.PST.M
‘Она тоже **сказала**.’
b. *wi=yi mis luv-ǰ vud.*
D3.M.SG.O=3SG тоже говорить-PF быть.PST.M
‘Он тоже **сказал**.’ [Карамхудоев 1973: 171]

В язгулямском, ишкашимском и сангличском языках используются аналитические конструкции, аналогичные бартангской и рошорвской [Эдельман 1966: 56; Пахалина 1959: 55; Юсуфбеков 2000: 118]. В язгулямском при образовании плюсквамперфекта основа подвергается усечению: если в собственно форме перфекта конечный согласный основы *-g* опционален, то в плюсквамперфекте он всегда выпадает. Так, в примере (4) это показано для основы перфекта *itag* глагола ‘приходить’. В сангличском, по сообщению Ш. П. Юсуфбекова, используется усечённая форма, однако он приводит примеры с конечным *-k* в скобках, что можно понимать как

⁵ В статье используется общепринятая в памироведении традиция записи глагольных лексем по схеме <основа презенса>:<основа претерита (муж. р. ед. ч.)> (например, *vi:vud* ‘быть’).

свидетельство его опциональности (5). В ишкашимском, по-видимому, усечения конечного велярного согласного не происходит (6).

- язгулямский
(4) *az=əm ita vad.*
PRON.1SG=1SG приходить.PF быть.PST
'Я **пришёл**.' [Эдельман 1966: 56]

- сангличский
(5) *pərsāl ōyodu(k) vad.*
прошлый_год приходить.PF быть.PST
'[Он] **приехал** [ещё] в прошлом году.' [Юсуфбеков 2000: 118]

- ишкашимский⁶
(6) *nawūk ref vūst-ūk vad=əm.*
новый веник вязать-PF быть.PST=1SG
'Новый веник я **связала**.' [Пахалина 1959: 55]

Отдельного рассмотрения заслуживает ситуация в ваханском. В середине XX в., по свидетельству Т. Н. Пахалиной, ваханская форма плюсквамперфекта была в процессе превращения из аналитической в синтетическую [Пахалина 1966а: 409]. Ваханский суффикс плюсквамперфекта выглядит как *-(ə)tu* (западный диалект) / *-(ə)tiw* (восточный диалект) и происходит от идентичной формы претерита глагола 'быть' *təy:tiw* [Пахалина 1975а: 77, 84; Лашкарбеков 1984: 129]⁷. При образовании плюсквамперфекта у

⁶ В ишкашимском языке перфект регулярно образуется от основы претерита с помощью суффикса *-ūk*. При глоссировании формы перфекта я опускаю глоссу [PST] в корне глагола для краткости и ясности.

⁷ Ваханский язык располагает двумя основами глагола бытия, взаимоотношения которых друг с другом разные исследователи представляют по-разному. Т. Н. Пахалина считала, что это супплетивные основы одного глагола: *iməy* — основа презенса (от неё также образуется инфинитив), а *tiw* — претерита (от неё образуется перфект), в то время как *təy* — копула, выделенная в отдельную словарную статью [Пахалина 1975а]. А. Л. Грюнберг и И. М. Стеблин-Каменский и Э. Башир приводят те же две основы, а *iməy* называют «модальной» (неиндикативной) основой глагола 'быть' [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976: 603; Bashir 2009: 835–836]. Б. Б. Лашкарбеков называет *iməy* недостаточным глаголом [Лашкарбеков 1984: 130].

основы перфекта выпадает конечный велярный *-k/-g* (имеющийся у большинства глаголов) (7) и происходит оглушение оставшегося в конце основы согласного (8). Исключение составляют основы на *-ng*, у которых согласный сохраняется (9).

Таблица 1. Сравнение ваханских форм перфекта и плюсквамперфекта [Пахалина 1975а: 77–78]

Table 1. Comparison of Wakhi Perfects and Pluperfects

	глагол	форма перфекта	форма плюсквамперфекта
(7)	<i>if:oft</i> 'ткать'	<i>ifətk</i> ткать.PF	<i>ifə(t)-tiw</i> ткать[PF]-быть.PST
(8)	<i>wəzəu:wəzd</i> 'приходить'	<i>wəzg</i> приходить.PF	<i>wəs-tiw</i> приходить[PF]-быть.PST
(9)	<i>rəd:rən</i> 'убегать'	<i>rəng</i> убегать.PF	<i>rəng tiw</i> убегать.PF быть.PST

По-видимому, Т. Н. Пахалина также имеет в виду, что у всех основ, кроме оканчивающихся на *-ng*, форма плюсквамперфекта представляет собой одно просодическое слово, но детали не вполне ясны [Пахалина 1975а: 77–78]⁸. В другой публикации она утверждает, что форма с сохранением *-ng* более характерна для речи старшего поколения, но не приводит альтернативных

⁸ Б. Б. Лашкарбеков сообщает, что форма плюсквамперфекта в современном языке начинает также образовываться от основы презенса [Лашкарбеков 1985: 107]. Это же утверждение повторяется в работе Э. Башир [Bashir 2009: 839], которая ссылается на Т. Н. Пахалину [Пахалина 1975а: 77] (где такого утверждения мне найти не удалось), и А. Л. Грюнберга и И. М. Стеблина-Каменского, которые, действительно, в начале раздела о плюсквамперфекте утверждают, что эта форма образуется от основы презенса [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976: 598–599]. По-видимому, в указанном фрагменте их книги допущена опечатка; дальнейшее описание и примеры показывают, что имеется в виду основа перфекта. Несколько примеров, приведённых в качестве иллюстрации Б. Б. Лашкарбековым и Э. Башир, объясняются тем, что у этих глаголов основа презенса совпадает с корнем основы перфекта: к примеру, плюсквамперфект от глагола *wizim:wəzomd* 'держать', который выглядит как *wiz(i)m-ətu*, происходит всё же от перфектной формы *wiz(i)mətk*. Приходится сделать вывод, что этот сюжет проник в некоторые публикации, посвящённые ваханскому, в результате ошибки.

примеров с их усечением, которые бы встречались в речи молодёжи [Пахалина 1975b: 244].

В некоторых памирских языках развились также дополнительные аналитические формы с основой перфекта. В ваханском появилась целая серия форм: к плюсквамперфекту добавились «прошедшее предположительное» (вспомогательный глагол *iməu* ‘быть’ в презенсе) и «преждепрошедший перфект» (вспомогательный глагол *təu:tiw* ‘быть’ в перфекте: *tiwətk*) [Пахалина 1975a: 78–79; Лашкарбеков 1984: 129]. Эти формы по своему строению и употреблению схожи с серией перфектных форм в таджикском (ср. [Perry 2005: 231–237]). В дальнейшем для ясности я упоминаю их под ярлыками «предположительный перфект» и «двойной перфект» (под термином «двойной перфект» подразумевается аналитическая форма, в которой оба глагола — и лексический, и вспомогательный — стоят в форме перфекта). Вместе с плюсквамперфектом они образуют отдельную серию аналитических форм, выстраивающуюся в парадигму, параллельную синтетическим формам презенса, претерита и перфекта: форма вспомогательного глагола в аналитической серии соответствует форме лексического глагола в синтетической серии, в то время как лексический глагол аналитических форм всегда имеет форму перфекта (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Синтетическая и аналитическая серии глагольных форм в ваханском языке на примере глагола *if:oft* ‘ткать’
[Пахалина 1975b: 243–245]

Table 2. Synthetic and periphrastic series of Wakhi verb forms, exemplified by the verb *if:oft* ‘weave’

синтетическая серия	аналитическая серия
презенс <i>if-</i> ткать.PRS	предположительный перфект <i>ifətk</i> <i>imi-</i> ткать.PF быть.PRS
претерит <i>oft</i> ткать.PST	плюсквамперфект <i>ifə(t)-tiw</i> ткать[PF]-быть.PST
перфект <i>ifətk</i> ткать.PF	двойной перфект <i>ifətk</i> <i>tiwətk</i> ткать.PF быть.PF

А. Л. Грюнберг и И. М. Стеблин-Каменский не считали эти конструкции полноценно сложившимися аналитическими формами и особо отметили их редкость [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976: 631–632]; Б. Б. Лашкарбеков выделил в качестве отдельной формы только предположительный перфект, но не двойной перфект [Лашкарбеков 1984: 129]. Я. Обртелова отмечает, что и форма плюсквамперфекта в ваханском встречается сравнительно редко и, по её мнению, вытесняется перфектом [Obrtelová 2019: 258].

Такая же система засвидетельствована и в сарыкольском (10), где Т. Н. Пахалина также называет предположительный и двойной перфект «сравнительно недавними образованиями» [Пахалина 1989: 208].

- сарыкольский
 (10) *yī xalg mǝǰʃ vid.*
 D1.SG человек умирать.PF быть.PRS.3SG
 ‘Тот человек, [должно быть,] умер.’ [Пахалина 1989: 208]

Аналогичный предположительный перфект отмечен в ишкашимском [Пахалина 1959: 55–56, 1966b: 426], а двойной перфект — в язгулямском (11) [Эдельман 1966: 56], где Д. И. Эдельман называет его редкой конструкцией, которая находится «на пути превращения в форму» и является калькой с таджикского. Вместе с тем в сравнительной работе [Пахалина 1975b: 244] указывается, что обе формы есть как в ваханском и сарыкольском, так и в язгулямском и ишкашимском.

- язгулямский
 (11) *Qurbonjon=ay šəda vəda.*
 Курбонджон=3SG уходить.PF быть.PF
 ‘Курбонджон, [оказывается,] уже ушёл.’ [Эдельман 1966: 56]

Причины сосуществования синтетического (в шугнанском, рушанском, хуфском и сарыкольском) и аналитического (в бартангском и рошорвском) плюсквамперфектов внутри шугнано-рушанской группы не вполне ясны. В. С. Соколова считала, что в бартангском когда-то также существовал синтетический

плюсквамперфект, но позже он был «утрачен и заменён аналитической формой» [Соколова 1963: 75, 1966: 378]. Вместе с тем Л. Р. Додыхудоева, цитируя В. С. Соколову, передаёт (видимо, по ошибке), что та возводила суффикс плюсквамперфекта к глаголу *vi:vud* ‘быть’ [Додыхудоева 1988: 76]. Точку зрения о происхождении этого суффикса от глагола *vi:vud* ‘быть’, однако, высказывала Д. И. Эдельман [Эдельман 1990: 114]. Т. Н. Пахалина также считала, что суффиксы, «несомненно, <...> исторически представляют собой какое-то реликтовое глагольное образование» [Пахалина 1975b: 244], но она возводила суффикс *-at/-it* к форме **asta*, причастию от древнеиранского глагола **(a)h-* ‘быть’ (который, например, в шугнанском сохранился в застывшей форме в виде слова *yast* ‘есть, имеется’), а не к современному шугнано-рушанскому *vi:vud*, который, в свою очередь, реконструируется к древнеиранской основе **būya-* ‘быть, становиться’ (ср. авест. *bav-*) [Пахалина 1975b: 244, 1989: 192, 202–203]. Ваханскую форму *tiw* Т. Н. Пахалина возводила к сочетанию причастия **asta* (от глагола **(a)h-*) и такого же причастия **vut* (от глагола **būya-*) [Пахалина 1975b: 244]. Между тем в литературе предлагаются разные версии происхождения ваханского глагола бытия. М. Н. Боголюбов считал, что основа презенса *təw* восходит к **(a)h-*, а форма претерита *tiw* — к **būya* [Боголюбов 2012: 34]. И. М. Стеблин-Каменский возводил этот глагол к древнеиранской основе **hišta* (авест. **stā*) ‘стоять, ставить’, отмечая сходное развитие в ряде индоарийских языков [Стеблин-Каменский 1999: 366–367]. Согласно другой точке зрения, как и в некоторых других новоиранских языках, этот глагол произошёл от указательного местоимения, а именно древнеиранского **aita-* [Korn 2011: 56].

Таким образом, среди памирских языков только некоторые языки шугнано-рушанской группы (шугнанский, хуфский, рушанский, сарыкольский) образуют плюсквамперфект синтетически. Остальные же образуют эту форму аналитически, и более того, развили иные похожие аналитические конструкции (вероятно, под влиянием таджикского). Аналитическое образование плюсквамперфектов как конструкций, состоящих из причастной формы и вспомогательного глагола, широко распространено в языках мира, в то время как синтетические плюсквамперфекты

более редки [Сичинава 2013: 17–18]⁹. Происхождение двух разных стратегий образования плюсквамперфекта в шугнано-рушанской группе остаётся неясным. Ситуация в сарыкольском языке представляется особенно необычной, так как он сочетает синтетический плюсквамперфект и аналитические формы предположительного и двойного перфекта. Все стратегии образования формы плюсквамперфекта в памирских языках представлены в Таблице 3 (в конце раздела 3.1).

3. Семантика

Семантика плюсквамперфектных форм разных памирских языков в советских и постсоветских научных работах описывается очень похоже — и вместе с тем авторы почти всегда указывают на сосуществование нескольких значений, описание которых часто выглядит довольно абстрактно. Это неудивительно: известно, что плюсквамперфекты в языках мира крайне склонны к полисемии, а правила их использования часто сильно зависят от контекста и субъективного восприятия ситуации говорящими, что затрудняет исследование их семантики [Сичинава 2013: 21–22]. Большинство описаний памирских языков упоминают в качестве основных значений плюсквамперфектов «давнопрошедшее» и «предпрошедшее» (или «предшествование [другому событию]»), а также отмечают их использование в ирреальных контекстах. В этом разделе обсуждаются данные о семантике этих форм, полученные из различных источников (раздел 3.1), а затем описываются результаты исследования плюсквамперфекта в современных шугнанском (раздел 3.2) и ишкашимском (раздел 3.3) языках. Описание семантики предположительного перфекта и двойного перфекта, упомянутых в разделе 2, представляется невозможным без непосредственной работы с носителями языков, так как в литературе данные об употреблении этих форм очень скудны. По этой причине в дальнейшем рассматриваются только значения плюсквамперфекта.

⁹ Среди новоиранских языков синтетическое образование плюсквамперфекта было также найдено в ларском языке [Выдрин 2023: 107].

3.1. Обзор литературы

В своей обзорной статье В. С. Соколова отмечает следующие значения у плюсквамперфектов шугнано-рушанской группы: давнопрошедшее, предпрошедшее и «неосуществившееся действие в прошлом» («чуть не...») [Соколова 1966: 380]. Значения «давнопрошедшего» (12) (события, произошедшие в далёком прошлом) и «предпрошедшего» (13) (события, произошедшие раньше некоторых других событий в прошлом) обычно считаются основными в грамматиках отдельных памирских языков. Чаще всего эти два значения приводятся вместе, хотя некоторые авторы выбрали в качестве основного только одно из них.

- рушанский
 (12) <...> *qat tu mo māš-re*
 всегда PRON.1SG.O мать PRON.1PL-DAT
naql čuǰ-it.
 рассказ делать.PF-PQP
 ‘О прошлых временах> нам всегда **рассказывала** мама.’
 [Файзов 1966: 115]

- рушанский
 (13) *tu puc si-d-ōw=re*
 PRON.1SG.O сын(М) стать-INF-PURP=DAT
yi sōl suǰ-it=at,
 один год стать.PF.M.SG-PQP=COORD2
tu rizen sat.
 PRON.1SG.O дочь(Ф) стать.PST.F/PL
 ‘После того, как моему сыну **исполнился** год, родилась моя дочь.’ [Файзов 1966: 115]

Иногда авторы специально указывают, что в одних случаях событие, служащее точкой отсчёта для значения предпрошедшего, может быть указано эксплицитно (13), в других же точкой отсчёта является просто некоторый абстрактный момент в прошлом (14) [Карамшоев 1963: 163; Файзов 1966: 115; Эдельман 1966: 56; Карамхудоев 1973: 172].

- шугнанский (баджувский диалект)
 (14) *tu pid xu zindagī=indīr=i*
 PRON.1SG.O отец REFL жизнь=LOC=3SG
lūv-j-at idi <...>
 говорить-PF-PQP COMPL
 'Мой отец ещё при жизни [т. е. до своей смерти — прим. источника] **сказал**: <в левую степь не ходи на охоту>.' [Карамшов 1963: 163]

Эти два употребления плюсквамперфекта, по-видимому, можно обобщить следующим образом: они указывают на то, что временная референция события отсчитывается относительно некоторого законченного периода в прошлом, а удалённость события во времени и предшествование другому событию являются только лишь коррелятами этой семантики. Использование плюсквамперфекта позволяет «вынести» событие из основной линии повествования в абстрактное прошлое (15). Именно этот традиционный для плюсквамперфектов кластер значений в работе [Сичинава 2013: 40–42] называется общим термином «сверхпрошлое». К сожалению, более современное и точное описание семантики и разграничение этих значений невозможно без детальных исследований с участием носителей соответствующих языков.

- бартангский
 (15) *o ik=wal yā sa yac*
 PTCL EMPH=тогда D3.F.SG SUBV приходить.PF.F
vad, ik=ā vo yac.
 быть.PST.F EMPH=D3.F.SG опять приходить.PF.F
 'Помнишь, та, которая когда-то **приходила**, опять пришла.'
 [Карамхудоев 1973: 172]

Значение «неосуществившегося» действия, также упомянутое В. С. Соколовой [1966: 380], в типологической литературе часто называется терминами «авертив» или «проксиматив» [Сичинава 2013: 29]. В. С. Соколова отмечает, что значение авертива встречается у плюсквамперфектов во всех шугнано-рушанских языках, кроме бартангского и рошорвского. В работах, посвящённых этим языкам [Карамхудоев 1973; Курбанов 1976], это значение

также не упоминается (при этом, согласно Н. Карамхудоеву, оно может выражаться бартангским перфектом [Карамхудоев 1973: 170]). Однако упоминания авертива можно найти в некоторых грамматических описаниях других памирских языков: в грамматиках рушанского (16) [Файзов 1966: 115–116] и ваханского [Пахалина 1975b: 84; Bashir 2009: 839].

- рушанский
 (16) *tare=t wêxč-it.*
 чуть_не=1SG падать.PF-PQP
 ‘Я **чуть не упал.**’ [Файзов 1966: 115]

Примеры на авертивное значение в литературе всегда содержат лексемы со значением ‘чуть не’. По-видимому, авертивная интерпретация в примерах типа (16) появляется из-за сочетания таких лексем с формой плюсквамперфекта. Как будет показано в разделе 2.3, это предположение подтверждается на материале современного шугнанского.

Многие авторы отмечают использование плюсквамперфектов в различных «ирреальных» и неиндикативных контекстах¹⁰, в том числе в условных конструкциях. В шугнанском языке плюсквамперфект может встречаться как и в протасисе, и в аподосисе (17), так и только в аподосисе (18) или только в протасисе (19). При этом, как будет показано в разделе 3.2, как минимум в шугнанском языке (но, вероятно, и в других) контрфактические условия могут вообще не включать в себя форму плюсквамперфекта. Различные формулировки, связанные с ирреальностью или условными конструкциями, встречаются в описаниях шугнанского, рушанского, сарыкольского и ваханского. (Ш. П. Юсуфбеков также упоминает значение ирреальности для сангличского, но не приводит ни одного примера [Юсуфбеков 2000: 118].)

¹⁰ Здесь я употребляю термин «ирреальность» вслед за грамматическими описаниями памирских языков, которые, к сожалению, не уточняют, как именно определяется это понятие (о сложностях, связанных с определением этого термина, см. сборник [Ландер и др. 2004]).

- шугнанский (баджувский диалект)
- (17) *wim-ird forax̌ ca vūδǰ-at,*
 D3.F.SG.O-DAT желание(М) SUBD быть.PF.M.SG-PQP
yā yiθč-at.
 D3.F.SG приходить.PF-PQP
 ‘Если бы ей **захотелось**, она бы **пришла**.’
 [Карамшоев 1963: 163]
- шугнанский (баджувский диалект)
- (18) *dāδ tu mis yiθč,*
 тогда PRON.2SG тоже приходить.PF
tu-rd=um mis dāk-čūǰǰ-at.
 PRON.2SG-DAT=1SG тоже давать-делать.PF-PQP
 ‘Если бы ты тоже пришёл, я и тебе тоже **дал бы**.’
 [Карамшоев 1963: 163]
- шугнанский (г. Хорог)
- (19) *tu=t aga tu žīwǰ ca*
 PRON.2SG=2SG если PRON.1SG.O любить SUBD
čūǰǰ-at, uz=um xiš vudǰ.
 делать.PF-PQP PRON.1SG=1SG счастливый быть.PF.M.SG
 ‘Если бы тогда ты меня **полюбил(а)**, я был бы счастлив.’ (эли-
 цитация, 2024 г.)

Ирреальные и модальные употребления включают в себя не только условия. В рушанском, бартангском и ваханском авторы отмечают употребления в контексте предположения при наличии необходимых модальных выражений (20) [Файзов 1966: 116; Карамхудоев 1973: 173; Obrtelová 2019: 271], для рушанского М. Файзов также сообщает об употреблении в контекстах долженствования и ирреального пожелания (21).

- бартангский
- (20) *wāδ=an baɣaɣ as tamāš*
 D3.PL=3SG вероятно EL PRON.2PL
xīz yač vad.
 APUD приходить.PF быть.PST.F
 ‘Они, по-видимому, **пришли** оттуда, где вы находились
 (= букв. ‘от вас’).’ [Карамхудоев 1973: 173]

рушанский

- (21) *kōšge=m suĵ-it xĕy-t-ōw.*
 вот_бы=1SG идти.PF.M.SG-PQP читать-INF-PURP
 ‘Хоть бы [я] **поехал** учиться.’ [Файзов 1966: 116]

Вероятно, некоторые из этих семантических ярлыков на самом деле не играют роли при выборе формы плюсквамперфекта. Так, (20) и прочие примеры на значение «предположения» из литературы можно объяснить традиционной для плюсквамперфекта семантикой «сверхпрошлого». Пример (21), с другой стороны, отсылает к несвершившемуся, но желаемому событию, то есть относится к сфере ирреалиса и не может быть объяснён традиционным значением плюсквамперфекта.

В сарыкольском (22) и ваханском (23), которые располагают особой клаузалной дуративной / имперфективной клитикой (=ik в сарыкольском, =(ə)š(ə)k в ваханском), значение ирреалиса в грамматиках связывается именно с комбинацией формы плюсквамперфекта и этой клитики [Пахалина 1975а: 83; Obrtelová 2019: 270–271; Palmer 2016: 105, 112]. Для ваханского встречаются примеры не только условий, но и, например, ирреальных пожеланий (24).

сарыкольский

- (22) *tujik tey=ik ca vēđj-it,*
 таджикский свадьба=DUR SUBD быть.PF-PQP
waz=am=ik a-ta yuđj-it.
 PRON.1SG=1SG=DUR ACC-PRON.2SG.O нести.PF-PQP
 ‘Если бы [это] **была** таджикская свадьба, я бы тебя **взял(а)**.’
 [Palmer 2016: 112]

ваханский

- (23) *pil=əš cə tuə-tu,*
 деньги=IPFV SUBD быть[PF]-быть.PST
ži nan xat=əš magazin wəzdi.
 PRON.1SG.P мать REFL=IPFV магазин приходить.PST
 ‘Если бы деньги **были**, моя мать сама пошла бы в магазин.’
 [Obrtelová 2019: 270]

ваханский

- (24) *yi loy=əm=šə yaw sə winə-tiw.*
 один раз=1SG=IPFV D3.SG SUBD видеть[PF]-быть.PST
baf=šə vi-tiw.
 хорошо=IPFV стать[PF]-быть.PST
 ‘Хорошо [было бы], если бы я его **увидел** хоть раз.’
 [Лашкарбеков 1984: 131]

В сарыкольском, по замечанию Т. Палмера, плюсквамперфект может использоваться в том числе в экспериенциальных контекстах — то есть для предикаций, отражающих опыт (не)совершения действия в неопределённом прошлом (*Я никогда не был в Хоробе*) (о понятии экспериенциальности см. работу [Вострикова 2010]). Примеры, которые можно было бы назвать экспериенциальными, встречаются и в советских работах, но в них экспериенциальность никогда не обсуждается как потенциально значимый семантический компонент. Впрочем, в итоге Т. Палмер отказывается ассоциировать использование плюсквамперфекта с экспериенциальной семантикой и вместо этого использует для него термин *cessative*, имея в виду, что он обозначает завершённые действия в прошлом, не продолжающиеся в настоящее время [Palmer 2016: 102–105]. По сути это описание напоминает кластер значений, называемый в типологической литературе «сверхпрошлым», «неактуальным прошедшим» [Сичинава 2013: 40–42] или *discontinuous past* [Plungian, van der Auwera 2006].

Для сангличского плюсквамперфекта Ш. П. Юсуфбеков отмечает также употребления, схожие с обычным эвиденциальным перфектом [Юсуфбеков 2000: 118]. Так, конструкцию в примере (25), по-видимому, нужно понимать как ретроспекцию перфекта в значении непрямой эвиденциальности (к сожалению, более подробный контекст в источнике отсутствует). Эту же функцию упоминает Д. И. Эдельман для язгулямского [Эдельман 1966: 56].

сангличский

- (25) *az=əm šidō vəd.*
 PRON.1SG=1SG ИДТИ.PF быть.PST
 ‘Я, оказывается, **ушёл**.’ [Юсуфбеков 2000: 118]

Как сообщается в работе [Parker 2023: 350], в современном шугнанском языке плюсквамперфект сохранил только контрфактическое значение — то есть обозначает события, которые могли свершиться, но не свершились [Плунгян 2004: 274]. При этом в прошлом употребления в значениях сверхпрошлого точно имели место, о чём свидетельствуют и описания, и примеры из грамматик и текстов середины XX в. типа (26)=(14). Этот вопрос подробнее обсуждается в разделе 3.2.

- шугнанский (баджувский диалект)
 (26) *mu pid xu zindagī=indīr=i*
 PRON.1SG.O отец REFL жизнь=LOC=3SG
lūv-j-at idi <...>
 говорить-PF-PQP COMPL
 ‘Мой отец ещё при жизни [т. е. до своей смерти — прим. источника] **сказал**: <в левую степь не ходи на охоту>.’ [Карамшов 1963: 163]

В таблице ниже приведены данные о морфосинтаксической структуре и семантике формы плюсквамперфекта в девяти памирских языках, полученные из литературы (данные о семантике в рошорвском и хуфском идиомах очень скудны и потому не включены в таблицу).

Имеющиеся на данный момент (преимущественно советские) грамматические описания дают только примерную и фрагментарную картину полисемии плюсквамперфектов в памирских языках. Вероятно, все выделенные значения (кластер «сверхпрошлого», ирреальные условия, пожелания, авертив) встречаются не только в тех языках, для которых они указаны. Так, например, представляется маловероятным, что значение авертива имеется у плюсквамперфекта только в рушанском и ваханском (например, в следующем разделе оно будет также упомянуто для шугнанского), — по-видимому, оно может присутствовать и у аналогичных форм в других памирских языках, но пока что не было эксплицитно зафиксировано в научной литературе.

Таблица 3. Устройство и значения плюсквамперфектов
в памирских языках
Table 3. Structure and meaning of Pluperfects in Pamir languages

язык	форма	упомянутые значения	источники
язгулямский	PF + быть.PST (<i>vad</i>)	ПРЕД, ретросп. перфект	[Эдельман 1966: 56]
шугнано-рушанские	см. ниже	ДАВНО, ПРЕД, авертив (кроме барт. и рошорв.)	[Соколова 1966: 380]
		ДАВНО и ПРЕД, ИРР (в условных предложениях)	[Пахалина 1989: 207–208]
бартангский	PF + быть.PST (<i>vud/vad</i>)	ДАВНО	[Карамхудоев 1973: 171–173]
сарыкольский	PF- <i>it</i>	<i>distant past</i> / ретросп. перфект, ИРР (с дур. клитикой)	[Palmer 2016: 102–105, 111–112]
рушанский	PF- <i>it</i>	ДАВНО, ПРЕД, ИРР, авертив	[Файзов 1966: 114–115]
шугнанский	PF- <i>at</i>	ДАВНО, ПРЕД, ИРР	[Карамшоев 1963: 163; Parker 2023: 350]
ишкашимский	PF + быть.PST (<i>vəd</i>)	ДАВНО, ПРЕД	[Пахалина 1959: 55; Пахалина 1966b: 426]
сангличский	PF + быть.PST (<i>vəd</i>)	ДАВНО, ПРЕД, ретросп. перфект	[Юсуфбеков 2000: 118]
ваханский	PF-(ə) <i>tu</i> ← PF + быть.PST (<i>tiw</i>)	ДАВНО, ПРЕД, ИРР (с имперф. клитикой), авертив	[Пахалина 1975a: 77, 84; Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976: 625; Лашкарбеков 1984: 129; Bashir 2009: 838–839]

Примечание. В таблице использованы сокращения ДАВНО (давнопрошедшее), ПРЕД (предпрошедшее) и ИРР (ирреалис).

3.2. Современный шугнанский

В 2023 г. в ходе поездки в г. Хорог (Таджикистан) я провёл исследование семантики формы плюсквамперфекта в современном шугнанском. Хорог — административный центр и единственный город Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана, крупнейший населённый пункт шугнаноязычного ареала. Анкета для исследования была составлена на основе типологии значений категории плюсквамперфекта, описанной в работе [Сичинава 2013: 17–42]. Все примеры в этом разделе, не имеющие ссылки на источник, получены с помощью эликации.

Выяснилось, что носители хорогского шугнанского запрещают употребление плюсквамперфекта как в контекстах со значением «предпрошедшего» («прошедшего в прошлом»), так и в контекстах сверхпрошлого. Так, в примере (27), который иллюстрирует значение «результатирующего состояния в прошлом» [Сичинава 2013: 25], информанты использовали перфект как с контекстом, в котором человек всё ещё находится в г. Душанбе, так и с контекстом, где он уже сутки как вернулся обратно — и в обоих случаях запретили плюсквамперфектный суффикс *-at*.

- (27) *uz=um nur=ard fām-t idi,*
 PRON.1SG=1SG сегодня=DAT знать-PST COMPL
*yu ar Dušanbe tūyǰ / *tūyǰ-at.*
 D3.M.SG DOWN Душанбе идти.PF.M.SG идти.PF.M.SG-PQP
 1. 'Я только сегодня узнал, что он **уехал** в Душанбе.'
 2. 'Я только сегодня узнал, что он **уезжал** в Душанбе (и вчера вернулся).'

Часто используемый в исследованиях видовременных систем стимул (28) дал те же результаты. Ни акцент на удалённости в прошлое, ни эксплицитное упоминание неактуальности события не позволили носителям разрешить использование *-at* в примере (29). Также плюсквамперфект не используется для выражения аннулированного результата; эта семантика может выражаться конструкцией с результативным причастием на *-in*. Это демонстрирует пример (30), в котором вместо формы

плюсквамперфекта *mūy̌jat* употреблена конструкция с причастием и вспомогательным глаголом ‘быть’: *mūy̌jīn vud* ‘был умершим’ (об этом примере из Евангелия см. [Сичинава 2023: 414–416]).

- (28) *toq=i čāy yet čūǰ / *čūǰ-at?*
 окно=3SG кто открытый делать.PF делать.PF-PQP
 ‘[В комнате холодно, хотя окно сейчас закрыто.] Кто **открывал** окно?’

- (29) *tu=t piro sol-en ar Rixūn*
 PRON.2SG=2SG до год-PL DOWN Рушан
*zindagi čūd / *čūy̌ǰ-at,*
 жизнь делать.PST делать.PF-PQP
at šič pi Xaray zindagi-yi.
 COORD2 сейчас UP Хорог жизнь-PRS.2SG
 ‘Ты раньше **жил** в Рушане, а теперь живёшь в Хороге.’

- (30) *Yid mūy̌ǰ-in vud=xu,*
 D2.SG умирать.PF-PTCP быть.PF.M.SG=COORD1
šič zindā sut...
 сейчас живой стать.PST.M.SG
 ‘Он **был мёртв** — и ожил...’ (Лука 15:24) [Dodixudoev 2001: 58]¹¹

Таким образом, можно заключить, что у современного хорогского плюсквамперфекта весь традиционный кластер значений «сверхпрошлого» оказался утрачен. Примеры из старых текстов типа (26) все опрошенные хорогцы однозначно считали некорректными. Некоторые информанты после наводящих вопросов предположили, что могли слышать подобные употребления от пожилых родственников, но такие носители в г. Хорог мне не встретились. Между тем в корпусе устных текстов [Макагов et al. 2022] можно встретить по крайней мере одно употребление, похожее на значения «сверхпрошлого» — из текста, записанного участниками проекта в 2018 г. в кишлаке Парзудж,

¹¹ Если не указано иное, для примеров из Библии в статье используется Современный перевод Всемирного библейского переводческого центра (WBTC).

который принадлежит к ареалу шахдаринского говора шугнанского языка (к юго-востоку от Хорога) (31).

- (31) <...> *ik=ā* *xolā* *Gulnamo lūv-ǰ-at...*
 ЕМРН=D3.F.SG тётя(Ф) Гулнамо говорить-РФ-РQP
xolā *Gulnamo večni tar sur-en* ***sic-at.***
 тётя(Ф) Гулнамо вечно EQ свадьба-PL идти.РФ.Ф/PL-РQP
 ‘Ешьте, у них ещё есть,’ как тётя Гулнамо **говорила...** тётя
 Гулнамо вечно по свадьбам **ходила.** [Корпус (к. Парзудж, запись 2018 г.)]

Можно предположить, что в некоторых диалектах шугнанского традиционная семантика плюсквамперфекта сохранилась лучше, чем в г. Хорог. Между тем в 2024 г. во время поездки в кишлак Нижний Бидиз, расположенный недалеко от Парзуджа, мне не удалось полноценно подтвердить возможность употреблений с семантикой «сверхпрошлого». Жители кишлака не порождали плюсквамперфект в контекстах типа (27)–(29) и запрещали его использование в подобных контекстах. Один из опрошенных носителей (мужчина приблизительно 1960 г. р.) в процессе разговора кратко упомянул, что употребление формы плюсквамперфекта в контекстах типа (29) похоже на речь пожилого человека, который рассказывает о своём детстве. Однако в других предложениях этот информант вновь запрещал использование плюсквамперфекта.

Единственным современным письменным текстом с традиционным употреблением плюсквамперфекта в значении из сферы «сверхпрошлого», который мне удалось найти, является перевод Евангелия от Луки, выполненный в 1990-е гг. Р. Х. Додыхудоевым и опубликованный в 2001 г. [Dodixudoev 2001]. Это издание представляет собой перевод отрывков из 11 глав Евангелия от Луки на шугнанский общим объёмом в 181 стих и 764 клаузы. Плюсквамперфект в этой публикации встречается семь раз, большинство употреблений — в 23-й и 24-й главах. Контексты употребления плюсквамперфекта ни в одном из этих случаев нельзя объяснить контрфактичностью, а в некоторых они очевидно связаны со сферой «сверхпрошлого» (32)–(33). По-видимому, в этом аспекте язык перевода Евангелия является отчасти архаичным,

хотя, по словам Л. Р. Додыхудоевой (л. с.), задачи намеренной архаизации при переводе не ставилось.

- (32) <...> *Wev=qati=yen ĵinik-en mis, idê*
 D3.PL.O=COM=3PL женщина-PL тоже COMPL
Yeso=qati=yen as ĵalil ca yaθĉ-at.
 Иисус=COM=3PL EL Галилея SUBD приходить.PF-PQP
 'А все, кто знал Иисуса, вдали стояли и смотрели.' С ними
 были также женщины, которые **пришли** с Иисусом из Галилеи.
 (Лука 23:49; перевод мой) [Dodixudoev 2001: 70]

- (33) *Tama bayoð nist nā, yidê Yu*
 PRON.2PL в_памяти быть.NEG NEG.Q COMPL D3.M.SG
tama-rd=i tar ĵalil=aθ ĉiz lûv-ĵ-at?
 PRON.2PL-DAT=3SG EQ Галилея=INT вещь говорить-PF-PQP
 'Помните, что Он вам говорил, когда ещё был в Галилее...'
 (Лука 24:6–7) [Dodixudoev 2001: 72]

Значения экспериенциальности и эвиденциальности, перечисленные в работе [Сичинава 2013: 31–39], также отсутствуют у шугнанского плюсквамперфекта — они в современном шугнанском закреплены за формой перфекта [Меленченко 2023]. Также носители запрещали использование этой формы в значении кунктатива («ещё не...»), которое Д. В. Сичинава также упоминает как одно из возможных для плюсквамперфектов [Сичинава 2013: 30]. Доступными для формы плюсквамперфекта, как и ожидалось, оказались модальные контексты, в том числе контрфактические условные конструкции (34) (в то время как реальные условия, как показано в (35), выражаются презенсом с клитикой будущего времени =*ta*) и ирреальные пожелания говорящего (36). (О выражении пожеланий с помощью ирреальных показателей см., например, [Добрушина 2004].)

- (34) *uz=um xu ĉodar-en biyor ca zinoð-ĵ(-at),*
 PRON.1SG=1SG REFL бельё-PL вчера SUBD стирать-PF-PQP
wev=um as sim=ti zoġ-t / zoġ-ĉ(-at).
 D3.PL.O=1SG EL верёвка=SUP взять-PST взять-PF-PQP
 'Если бы я вчера **постира**ла бельё, я бы его **сня**ла с верёвки.'

- (35) *uz taš agar nur sarāki Dušanbe ca*
 PRON.1SG PROSP если сегодня утро Душанбе SUBJ
tī-m, ʃāb-ard=ta firāp-um.
 уходить-PRS.1SG вечер-DAT=FUT достигать-PRS.1SG
 ‘Если я сегодня утром поеду в Душанбе, к ночи приеду.’
- (36) *košga=yām māš fukaθ*
 если_бы=1PL PRON.1PL все
*yak-jo zindagi čūj(-at) / *čūd!*
 один-место жизнь делать-PF-PQR делать-PST
 ‘Вот бы мы все **жили** вместе!’

В протасисе и аподосисе условной конструкции возможны различные (но, вероятно, не все) комбинации форм претерита, перфекта и плюсквамперфекта. В протасисе часто употребляются перфект или плюсквамперфект, в то время как в аподосисе часто употребляется также и претерит, что проиллюстрировано в (34). Это распределение соотносится с наблюдениями в работе [Edelman, Dodykhudoeva 2009b: 814]; также об этой асимметрии см. [Добрушина 2004: 144]. (Об условных конструкциях в шугнанском также см. [Parker 2023: 366].)

Как у перфекта, так и у плюсквамперфекта обнаружено значение авертива (недостигнутый результат в прошлом) (37). Это значение отмечалось для всех шугнано-рушанских языков в работе [Соколова 1966: 380], но не было упомянуто в статье [Меленченко 2023], посвящённой шугнанскому перфекту.

- (37) *uz=um biyor šičard*
 PRON.1SG=1SG вчера чуть_не
*toq virūṣ-č(-at) / *virūṣ-t.*
 окно разбивать-PF-PQR разбивать-PST
 ‘Я вчера чуть не **разбил** окно.’

Как отмечено в разделе 3.1, плюсквамперфект и перфект употребляются в значении авертива только в сочетании с лексемами и выражениями с соответствующей семантикой: *šič-ard* (сейчас-DAT) ‘едва, чуть было не’, *qast(na-vid)* (едва_не NEG-быть.PRS.3SG) ‘чуть было не’, *dus=ga=xu* (мало=ADD=COORD1) ‘ещё немного, и’

и другими. При этом и подобные выражения неграмматичны с иными глагольными формами (например, с претеритом). Таким образом, это значение выражается сочетанием лексических средств с определёнными формами (перфектом или плюсквамперфектом). То же самое верно для пожеланий и лексем типа *košga* 'хоть бы' (36). Интересно, что так как авертив выражает событие, которое могло свершиться, но так и не свершилось, его можно причислить к контрфактическим значениям. Что касается пожеланий, пока остаётся не вполне ясным, возможно ли с помощью шугнанского плюсквамперфекта выразить не только контрфактическое, но и реальное пожелание (о связи контрфактической семантики с формами плюсквамперфекта см. [Плунгян 2004]).

Во всех проэлицитированных примерах все опрошенные носители разрешали употребление не только плюсквамперфекта, но и перфекта. Эти формы не взаимозаменяемы, так как сфера употребления перфекта значительно шире, однако, по-видимому, не существует контекстов, в которых плюсквамперфект являлся бы единственно (или наиболее) корректной глагольной формой. При этом носители всё же иногда порождают плюсквамперфект в качестве первой реакции при элицитации.

Можно заключить, что в хорогском диалекте в XX в. плюсквамперфект подвергся значительному сокращению сферы использования, сохранил исключительно употребления, так или иначе связанные с ирреальностью (контрфактические условия, ирреальные пожелания говорящего, авертив), и потерял употребления, обозначающие реальные события в прошлом. На данном этапе остаётся не вполне ясным, в какой степени эти выводы можно экстраполировать на весь шугнанский язык; вероятно, в некоторых диалектах плюсквамперфект мог сохранить традиционные употребления. (С другой стороны, потенциальное предположение о том, что такое положение дел давно сформировалось в хорогском диалекте, не кажется убедительным из-за отсутствия каких-либо упоминаний такого факта в советских грамматиках.)

К похожим выводам приходит К. Паркер, который в недавней грамматике шугнанского пишет об опциональности суффикса *-at*, а сам суффикс называет «контрфактическим» (К. Паркер также работал именно с хорогским вариантом шугнанского)

[Parker 2023: 257–258]. Я. Обртелова отмечает, что современный ваханский плюсквамперфект также в целом встречается редко и «в функции предшествования постепенно замещается перфектом» [Obrtelová 2019: 270].

Неясно, является ли это «отмирание» плюсквамперфектов общепамирской тенденцией. Кроме того, не вполне понятно, можно ли вообще говорить об отмирании, так как неизвестно, были ли памирские перфекты и плюсквамперфекты взаимозаменяемы в каких-либо контекстах в прошлом. Вполне возможно, что относительная редкость в речи и (хотя бы частичная) взаимозаменяемость с перфектом давно характерны для памирских плюсквамперфектов и что резкое сужение сферы употребления или уменьшение частоты их использования в хорогском шугнанском не свидетельствуют об исчезновении этой формы. В целом стоит отметить, что контрфактичность, сохранившаяся в Хороге, — одно из наиболее типологически распространённых значений форм (в том числе бывших) плюсквамперфектов [Сичинава 2013: 33–43]. Использование плюсквамперфекта для выражения контрфактических значений встречается во многих языках мира [Плунгян 2004], в том числе и других иранских, включая, например, персидский и североазербайджанский татский языки [Выдрин 2010: 32–33] — но, например, не ягнобский [Выдрин, Мазурова 2023: 155–156].

3.3. Современный ишкашимский

В этом разделе представлены предварительные данные об использовании плюсквамперфекта в ишкашимском языке. Ишкашимский — один из самых малочисленных языков памирского ареала; на нём говорят около 1 000 человек, большинство из которых проживает в кишлаке Рын в Таджикистане [Назарова, Назаров 2011: 42–43]. Данные были собраны А. А. Сергиенко в 2024 г. в Рыне у двух носителей ишкашимского (примерно 1950 г. р. и 2000 г. р.). Результаты показывают, что ишкашимский плюсквамперфект явно отличается от шугнанского тем, что сохранил значения из сферы «сверхпрошлого». Пример (38) повторяет контекст примера (15), в котором шугнанские носители единогласно

запрещали употребление плюсквамперфекта; в ишкашимском же это возможно. Примеры (39) и (40) показывают, что контексты со значениями давнопрошедшего и «результатирующего состояния в прошлом» соответственно тоже могут выражаться плюсквамперфектом. Для всех трёх стимулов примеров (38)–(40) первой реакцией носителей было употребление формы претерита, но и форма плюсквамперфекта также оказалась грамматичной. Более подробное исследование других значений плюсквамперфекта в ишкашимском остаётся задачей для будущих исследований.

- (38) *žonj=i za ŭk waxt=əs*
 женщина=3SG SUBD один время=IPFV
oʻyad / OKoʻyad-ŭk vəd, so dāv oʻyad.
 прийти.PST прийти-РФ быть.PST сейчас опять прийти.PST
 ‘Женщина, которая когда-то **приходила**, опять пришла.’ (сти-
 мул из [Карамхудоев 1973: 172])¹²

- (39) *čət=əm za vəd, mə bibi=s*
 маленький=1SG SUBD быть.PST PRON.1SG.P бабушка=IPFV
mən-bo afsona yažd / OKyažd-ŭk vəd.
 PRON.1SG.P-DAT сказка сказать.PST сказать-РФ быть.PST
 ‘Когда я был маленьким, моя бабушка всегда **рассказывала**
 мне сказки перед сном.’

- (40) *aw ulo-tar tūyd=i / OKtūyd-ŭk*
 D3.SG ранее-COMP уйти.PST=3SG уйти-РФ
vəd=i Dušanbe, vjəri oʻyad.
 быть.PST=3SG Душанбе вчера прийти.PST
 ‘Он недавно **уезжал** в Душанбе и только вчера вернулся.’

¹² Помета **OK** используется в примерах (38)–(40), чтобы подчеркнуть, что форма плюсквамперфекта оценивалась носителями как приемлемая, но первой реакцией всегда оказывалась форма претерита.

4. Заключение

Памирские плюсквамперфекты во многом являются характерными представителями этой типологической категории. В большинстве памирских языков они строятся по обычной морфосинтаксической модели, включающей в себя (бывшее) причастие и вспомогательный глагол в форме прошедшего времени. В шугнанском, рушанском, хуфском и сарыкольском языках, тем не менее, форма плюсквамперфекта устроена менее типично: она образуется от перфекта синтетически с помощью суффикса. Происхождение этого суффикса не вполне ясно; по предположениям некоторых учёных, он восходит к вспомогательному глаголу бытия.

Засвидетельствованные у памирских плюсквамперфектов значения «сверхпрошлого» и ирреалиса (включая авертив) также характерны для плюсквамперфектов в языках мира. Как показало проведённое исследование, в хорогском диалекте шугнанского сфера использования плюсквамперфекта сильно сузилась за последние полвека: форма потеряла традиционные значения «сверхпрошлого», сохранив только ирреальные употребления. Типичным примером использования этой формы в современной речи является контрфактическая условная конструкция. Между тем во всех своих употреблениях хорогский плюсквамперфект взаимозаменяем с перфектом, что может свидетельствовать о постепенном исчезновении этой формы из языка. В ишкашимском языке, тем не менее, значения «сверхпрошлого», по-видимому, остаются актуальными для формы плюсквамперфекта. Неизвестно, как изменилось со времён советских грамматических описаний употребление плюсквамперфекта в других идиомах: рушанском, бартангском, язгулямском и других. Учитывая малоисследованность отдельных памирских идиомов, адекватное описание современной семантики плюсквамперфекта в них только предстоит.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитив; APUD — апуд-эссив (локализация ‘около’); COM — комитатив; COMP — сравнительная степень; COMPL — релятивизирующий союз; COORD1, COORD2 — сочинительные союзы; D1, D2, D3 — демонстративы трех серий (‘около говорящего’, ‘около собеседника’, ‘вдали от обоих’); DAT — датив; DOWN — эссив с пространственным значением ‘внизу’; DUR — дуратив; EL — элатив; EMPH — эмфатическая частица; EQ — эссив со значением ‘на одном уровне’; F — женский род; FUT — будущее время; INF — инфинитив; INT — интенсификатор; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; M — мужской род; NEG — отрицание; O — косвенный падеж; P — посессивная форма местоимения; PF — перфект; PL — множественное число; PQP — синтетический плюсквамперфект; PRON — личное местоимение; PROSP — проспектив; PRS — презенс; PST — претерит; PTCL — частица; PTCP — перфектное причастие; PURP — целевая форма; Q — вопросительная клитика; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SUBD — подчинительный союз; SUP — суперэссив; UP — эссив со значением ‘вверху’.

Литература

- Боголюбов 2012 — М. Н. Боголюбов. К этимологии ваханского вспомогательного глагола *тэй-ту-* ‘быть’ // О. М. Чунакова (ред.). Труды по иранскому языкознанию: Избранное. М.: Восточная литература, 2012. С. 33–35.
- Вострикова 2010 — Н. В. Вострикова. Типология средств выражения экспериментального значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2010.
- Выдрин 2010 — А. П. Выдрин. Контрафактив в иранских языках // Acta Linguistica Petropolitana. 2010. Т. VI. Ч. 3. С. 31–38.
- Выдрин 2023 — А. П. Выдрин. Типология осетинских глагольных парадигм // Вопросы языкознания. 2023. № 2. С. 89–113. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.89-113.
- Выдрин, Мазурова 2023 — А. П. Выдрин, Ю. В. Мазурова. Зона перфекта ягнобского языка // Вопросы языкознания. 2023. № 6. С. 138–164. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.138-164.
- Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976 — А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский. Ваханский язык. Тексты, словарь и грамматический очерк (Языки Восточного Гиндукуша). М.: Наука, 1976.

- Добрушина 2004 — Н. Р. Добрушина. О некоторых корреляциях между зависимым и независимым употреблением ирреальных форм // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Ирреалис и ирреальность (Исследования по теории грамматики, Т. 3). М.: Гнозис, 2004. С. 124–146.
- Карамхудоев 1973 — Н. Карамхудоев. Бартангский язык: фонетика и морфология. Душанбе: Дониш, 1973.
- Карамшоев 1963 — Д. К. Карамшоев. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1963.
- Курбанов 1976 — Х. Курбанов. Рошорвский язык. Душанбе: Дониш, 1976.
- Ландер и др. 2004 — Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Ирреалис и ирреальность (Исследования по теории грамматики, Т. 3). М.: Гнозис, 2004.
- Лашкарбеков 1984 — Б. Б. Лашкарбеков. Ваханский глагол в историческом аспекте. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания АН СССР, 1984.
- Меленченко 2023 — М. Г. Меленченко. Эвиденциальный перфект в шугнанском языке // Вопросы языкознания. 2023. № 6. С. 120–137. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.120-137.
- Назарова, Назаров 2011 — З. О. Назарова, Н. О. Назаров. Социолингвистическая ситуация на Западном Памире (на материале ишкашимского языка) // Учёные записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 42–49.
- Пахалина 1959 — Т. Н. Пахалина. Ишкашимский язык. М.: Издательство АН СССР, 1959.
- Пахалина 1966a — Т. Н. Пахалина. Ваханский язык // В. В. Виноградов, В. И. Абаев, И. К. Белодед, Г. Б. Джаукян, М. В. Панов, В. С. Расторгуева (ред.). Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. С. 398–418.
- Пахалина 1966b — Т. Н. Пахалина. Ишкашимский язык // В. В. Виноградов, В. И. Абаев, И. К. Белодед, Г. Б. Джаукян, М. В. Панов, В. С. Расторгуева (ред.). Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. С. 419–435.
- Пахалина 1975a — Т. Н. Пахалина. Ваханский язык. М.: Наука, 1975.
- Пахалина 1975b — Т. Н. Пахалина. Сравнительный обзор памирских языков // Д. А. Ольдерогге (ред.). Страны и народы Востока. Памир. М.: Наука, 1975. С. 222–250.
- Пахалина 1989 — Т. Н. Пахалина. Сравнительно-историческая морфология памирских языков. М.: Наука, 1989.

- Плунгян 2004 — В. А. Плунгян. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Ирреалис и ирреальность (Исследования по теории грамматики, Т. 3). М.: Гнозис, 2004. С. 124–146.
- Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013.
- Сичинава 2023 — Д. В. Сичинава. К описанию контекстов плюсквамперфекта и предбудущего в Новом Завете // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2023. Т. XIX. Ч. 3. С. 392–431. DOI:10.30842/alp23065737193392431.
- Соколова 1963 — В. С. Соколова. К уточнению классификации шугнано-рушанской группы памирских языков // Иранский сборник: к 75-летию проф. И. И. Зарубина. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 71–80.
- Соколова 1966 — В. С. Соколова. Шугнано-рушанская языковая группа // В. В. Виноградов, В. И. Абаев, И. К. Белодед, Г. Б. Джаукян, М. В. Панов, В. С. Расторгуева (ред.). Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. С. 362–397.
- Соколова 1967 — В. С. Соколова. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л.: Наука, 1967.
- Стеблин-Каменский 1999 — И. М. Стеблин-Каменский. Этимологический словарь ваханского языка. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 1999.
- Файзов 1966 — М. Файзов. Язык рушанцев Советского Памира. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1966.
- Эдельман 1966 — Д. И. Эдельман. Язгулямский язык. М.: Наука, 1966.
- Эдельман 1975 — Д. И. Эдельман. Категории времени и вида // В. С. Расторгуева (ред.). Опыт историко-типологического исследования иранских языков: Эволюция грамматических категорий. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 337–411.
- Эдельман 1990 — Д. И. Эдельман. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Морфология. Элементы синтаксиса. М.: Наука, 1990.
- Юсуфбеков 1999 — Ш. П. Юсуфбеков. Сангличский язык в синхронном и историческом освещении. Москва: Б. и., 1999.
- Bashir 2006 — E. Bashir. Evidentiality in South Asian languages // M. Butt, T. H. King (eds.). *Proceedings of the LFG06 Conference, Workshop on South Asian Languages*. Konstanz: Konstanz Universität, 2006.
- Beck 2013 — S. Beck. A Sociolinguistic Assessment of the Roshani Speech Variety in Afghanistan // *Language Documentation & Conservation*. 2013. Vol. 5. P. 235–301.

- Edelman, Dodykhudoeva 2009a — J. Edelman, L. Dodykhudoeva. The Pamir languages // G. Windfuhr (ed.). *The Iranian Languages*. Oxon: Routledge, 2009. P. 773–786.
- Edelman, Dodykhudoeva 2009b — J. Edelman, L. Dodykhudoeva. Shughni // G. Windfuhr (ed.). *The Iranian Languages*. Oxon: Routledge, 2009. P. 787–824.
- Korn 2011 — A. Korn. Pronouns as Verbs, Verbs as Pronouns: Demonstratives and the Copula in Iranian // A. Korn, G. Haig, S. Karimi, P. Samvelian (eds.). *Topics in Iranian Linguistics*, Vol. 34. Wiesbaden: Reichert, 2011. P. 53–70.
- Makarov et al. 2022 — Y. Makarov, M. Melenchenko, D. Novokshanov. Digital Resources for the Shughni Language // A. K. Ojha, S. Ahmadi, C.-H. Liu, J. P. McCrae (eds.). *Proceedings of the Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference*. Marseille: ELRA, 2022. P. 61–64.
- Müller 2015 — K. Müller. Deixis in Shughni: Grammatical and Semantic Considerations. MA Thesis. Grand Forks: University of North Dakota, 2015.
- Obrtelová 2019 — J. Obrtelová. Discourse-Pragmatic Functions of Tense-Aspect Verb Forms in Wakhi // A. Patard, R. Peltola, E. Roussel (eds.). *Cross-Linguistic Perspectives on the Semantics of Grammatical Aspect*. Leiden: Brill, 2019. P. 252–281.
- Olson 2017 — K. Olson. Shughni Phonology Statement. Б. м.: SIL International, 2017.
- Palmer 2016 — T. S. Palmer. Verbal Morphology and Grammatical Aspect in Sarikoli. PhD thesis. Grand Forks: University of North Dakota, 2016.
- Parker 2023 — C. Parker. A Grammar of the Shughni Language. PhD thesis. Toronto: McGill University, 2023.
- Payne 1980 — J. R. Payne. The decay of ergativity in Pamir languages // *Lingua*. 1980. Vol. 2. Iss. 51. P. 147–186.
- Perry 2005 — J. Perry. *A Tajik Persian Reference Grammar*. Leiden; Boston: Brill, 2005.
- Plungian, van der Auwera 2006 — V. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // *Language Typology and Universals*. 2006. Vol. 59. Iss. 4. P. 317–349.
- Stump, Hippiisley 2011 — G. Stump, A. R. Hippiisley. Valence Sensitivity in Pamirian Past-tense Inflection: A Realizational Analysis // A. Korn, G. Haig, S. Karimi, P. Samvelian (eds.). *Topics in Iranian Linguistics*, Vol. 34. Wiesbaden: Reichert, 2011. P. 103–115.
- Wendtland 2009 — A. Wendtland. The Position of the Pamir Languages within East Iranian // *Orientalia Suecana*. 2009. Vol. 58. P. 172–188.

Источники

Dodixudoev 2001 — R. Dodixudoev. Luqo Injil. Maskav: Instituti tarjuma Kitobi Muqadas, 2001.

References

- Bashir 2006 — E. Bashir. Evidentiality in South Asian languages. M. Butt, T. H. King (eds.). *Proceedings of the LFG06 Conference, Workshop on South Asian Languages*. Konstanz: Konstanz Universität, 2006.
- Beck 2013 — S. Beck. A Sociolinguistic Assessment of the Roshani Speech Variety in Afghanistan. *Language Documentation & Conservation*. 2013. Vol. 5. P. 235–301.
- Bogolyubov 2012 — M. N. Bogolyubov. K etimologii vakhanskogo vspomogatel'nogo glagola *têy:-tu-* ‘byt’ [Towards the etymology of the Wakhi auxiliary *têy:-tu-* ‘to be’]. O. M. Chunakova (ed.). *Trudy po iranskomu yazykoznaniyu: Izbrannoye* [Selected works in Iranian Linguistics]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2012. P. 33–35.
- Dobrushina 2004 — N. R. Dobrushina. O nekotorykh korrelyatsiyakh mezhdu zavisimym i nezavisimym upotrebleniyem irrealnykh form [On some correlations between dependent and independent uses of irrealis forms]. Yu. A. Lander, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchiyeva (eds.). *Irrealis i irrealnost (Issledovaniya po teorii grammatiki, T. 3)* [Irrealis and irreality (Studies in theoretical grammar, Vol. 3)]. Moscow: Gnozis, 2004. P. 124–146.
- Edelman 1966 — D. I. Edelman. *Yazgulyamskiy yazyk* [Yazghulami]. Moscow: Nauka, 1966.
- Edelman 1975 — D. I. Edelman. Kategorii vremeni i vida [Tense-aspect category]. V. S. Rastorguyeva (ed.). *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya iranskikh yazykov: Evolyutsiya grammaticheskikh kategoriy* [Experience of historical-typological studies on Iranian languages: Evolution of grammatical categories]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1975. P. 337–411.
- Edelman 1990 — D. I. Edelman. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov: Morfologiya. Elementy sintaksisa* [Comparative grammar of East Iranian languages: Morphology. Elements of syntax]. Moscow: Nauka, 1990.
- Edelman, Dodykhudoeva 2009a — J. Edelman, L. Dodykhudoeva. The Pamir languages. G. Windfuhr (ed.). *The Iranian Languages*. Oxon: Routledge, 2009. P. 773–786.
- Edelman, Dodykhudoeva 2009b — J. Edelman, L. Dodykhudoeva. Shughni. G. Windfuhr (ed.). *The Iranian Languages*. Oxon: Routledge, 2009. P. 787–824.

- Fayzov 1966 — M. Fayzov. *Yazyk rushantsev Sovetskogo Pamira* [Language of the Rushani people of the Soviet Pamir]. Dushanbe: Academy of Sciences of Tajik SSR, 1966.
- Gryunberg, Steblin-Kamenskiy 1976 — A. L. Gryunberg, I. M. Steblin-Kamenskiy. *Vakhanskiy yazyk. Teksty, slovar i grammaticheskiy ocherk (Yazyki Vostochnogo Gindukusha)* [Wakhi. Texts, dictionary and a grammatical survey (Languages of Eastern Hindu Kush)]. Moscow: Nauka, 1976.
- Karamkhudoev 1973 — N. Karamkhudoev. *Bartangskiy yazyk: fonetika i morfologiya* [Bartangi: Phonetics and morphology]. Dushanbe: Donish, 1973.
- Karamshoev 1963 — D. K. Karamshoev. *Badzhuvskiy dialekt shugnanskogo yazyka* [Bajuvi dialect of Shughni]. Dushanbe: Academy of Sciences of Tajiki SSR, 1963.
- Korn 2011 — A. Korn. Pronouns as Verbs, Verbs as Pronouns: Demonstratives and the Copula in Iranian. A. Korn, G. Haig, S. Karimi, P. Samvelian (eds.). *Topics in Iranian Linguistics*, Vol. 34. Wiesbaden: Reichert, 2011. P. 53–70.
- Kurbanov 1976 — Kh. Kurbanov. *Roshorvskiy yazyk* [Roshorvi]. Dushanbe: Donish, 1976.
- Lander et al. 2004 — Yu. A. Lander, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchiyeva (eds.). *Irrealis i irrealnost (Issledovaniya po teorii grammatiki, T. 3)* [Irrealis and irreality (Studies in theoretical grammar, Vol. 3)]. Moscow: Gnozis, 2004.
- Lashkarbekov 1984 — B. B. Lashkarbekov. *Vakhanskiy glagol v istoricheskom aspekte* [Wakhi verb from a historical outlook]. PhD thesis. Moscow: Institute of Linguistics, Academy of Sciences of the USSR, 1984.
- Makarov et al. 2022 — Y. Makarov, M. Melenchenko, D. Novokshanov. Digital Resources for the Shughni Language. A. K. Ojha, S. Ahmadi, C.-H. Liu, J. P. McCrae (eds.). *Proceedings of the Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference*. Marseille: ELRA, 2022. P. 61–64.
- Melenchenko 2023 — M. G. Melenchenko. Evidentsialnyy perfekt v shugnanskom yazyke [Evidential Perfect in Shughni]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2023. No. 6. P. 120–137. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.120-137.
- Müller 2015 — K. Müller. *Deixis in Shughni: Grammatical and Semantic Considerations*. MA Thesis. Grand Forks: University of North Dakota, 2015.
- Nazarova, Nazarov 2011 — Z. O. Nazarova, N. O. Nazarov. Sotsiolingvisti-cheskaya situatsiya na Zapadnom Pamire (na materiale ishkashimskogo yazyka) [Sociolinguistic situation in West Pamir (on the material of Ishkashimi)]. *Uchenyye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnyye nauki*. 2011. No. 4. P. 42–49.

- Obrtelová 2019 — J. Obrtelová. Discourse-Pragmatic Functions of Tense-Aspect Verb Forms in Wakhi. A. Patard, R. Peltola, E. Roussel (eds.). *Cross-Linguistic Perspectives on the Semantics of Grammatical Aspect*. Leiden: Brill, 2019. P. 252–281.
- Olson 2017 — K. Olson. *Shughni Phonology Statement*. S. l.: SIL International, 2017.
- Pakhalina 1959 — T. N. Pakhalina. *Ishkashimskiy yazyk* [Ishkashimi]. Moscow: Printing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959.
- Pakhalina 1966a — T. N. Pakhalina. Vakhanskiy yazyk [Wakhi]. V. V. Vinogradov, V. I. Abayev, I. K. Beloded, G. B. Dzhaikyan, M. V. Panov, V. S. Rastorguyeva (eds.). *Yazyki narodov SSSR*. T. I. Indoyevropeyskiye yazyki [Languages of the peoples of the USSR. Vol. I. Indo-European languages]. Moscow: Nauka, 1966. P. 398–418.
- Pakhalina 1966b — T. N. Pakhalina. *Ishkashimskiy yazyk* [Ishkashimi]. V. V. Vinogradov, V. I. Abayev, I. K. Beloded, G. B. Dzhaikyan, M. V. Panov, V. S. Rastorguyeva (eds.). *Yazyki narodov SSSR*. T. I. Indoyevropeyskiye yazyki [Languages of the peoples of the USSR. Vol. I. Indo-European languages]. Moscow: Nauka, 1966. P. 419–435.
- Pakhalina 1975a — T. N. Pakhalina. *Vakhanskiy yazyk* [Wakhi]. Moscow: Nauka, 1975.
- Pakhalina 1975b — T. N. Pakhalina. Sravnitelnyy obzor pamirskikh yazykov [Comparative overview of Pamir languages]. D. A. Olderogge (ed.). *Strany i narody Vostoka. Pamir* [Lands and peoples of the East. Pamir]. Moscow: Nauka, 1975. P. 222–250.
- Pakhalina 1989 — T. N. Pakhalina. *Sravnitelno-istoricheskaya morfologiya pamirskikh yazykov* [Comparative morphology of Pamir languages]. Moscow: Nauka, 1989.
- Palmer 2016 — T. S. Palmer. *Verbal Morphology and Grammatical Aspect in Sarikoli*. PhD thesis. Grand Forks: University of North Dakota, 2016.
- Parker 2023 — C. Parker. *A Grammar of the Shughni Language*. PhD thesis. Toronto: McGill University, 2023.
- Payne 1980 — J. R. Payne. The decay of ergativity in Pamir languages. *Lingua*. 1980. Vol. 2. Iss. 51. P. 147–186.
- Perry 2005 — J. Perry. *A Tajik Persian Reference Grammar*. Leiden; Boston: Brill, 2005.
- Plungian 2004 — V. A. Plungian. O kontrafakticheskikh upotrebleniyakh plyuskvamperfekta [About counterfactual uses of the pluperfect]. Yu. A. Lander, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchiyeva (eds.). *Irrealis i irrealnost (Issledovaniya po teorii grammatiki, T. 3)* [Irrealis and irreality (Studies in the Theory of Grammar, Vol. 3)]. Moscow: Gnozis, 2004. P. 124–146.

- Plungian, van der Auwera 2006 — V. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking. *Language Typology and Universals*. 2006. Vol. 59. Iss. 4. P. 317–349.
- Sitchinava 2013 — D. V. Sitchinava. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskiy plyuskvamperfekt* [Typology of pluperfects. Slavic pluperfect]. Moscow: AST-PRESS, 2013.
- Sitchinava 2023 — D. V. Sitchinava. K opisaniyu kontekstov plyuskvamperfekta i predbudushchego v Novom Zavete [Towards the description of contexts of the Pluperfect and Futurum Exactum in the New Testament] // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2023. Vol. XIX. Part 3. P. 392–431. DOI:10.30842/alp23065737193392431.
- Sokolova 1963 — V. S. Sokolova. K utochneniyu klassifikatsii shughnoro-rushanskoy gruppy pamirskikh yazykov [Towards a refined classification of the Shughni-Rushani group of Pamir languages]. *Iranskiy sbornik: k 75-letiyu prof. I. I. Zarubina* [Collection of works in Iranian studies: for the 75th birthday of Prof. I. I. Zarubin]. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury, 1963. P. 71–80.
- Sokolova 1966 — V. S. Sokolova. Shughnoro-rushanskaya yazykovaya gruppa [Shughni-Rushani group]. V. V. Vinogradov, V. I. Abayev, I. K. Beloded, G. B. Dzhaugyan, M. V. Panov, V. S. Rastorguyeva (eds.). *Yazyki narodov SSSR. T. I. Indoyevropeyskiye yazyki* [Languages of the peoples of the USSR. Vol. I. Indo-European languages]. Moscow: Nauka, 1966. P. 362–397.
- Sokolova 1967 — V. S. Sokolova. *Geneticheskiye otnosheniya yazgulyamskogo yazyka i shughnanskoy yazykovoy gruppy* [Genetic relationships of Yazgulyami with the Shughni language group]. Leningrad: Nauka, 1967.
- Steblin-Kamenskiy 1999 — I. M. Steblin-Kamenskiy. *Etimologicheskiy slovar vakhanskogo yazyka* [Etymological dictionary of Wakhi]. Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1999.
- Stump, Hippisley 2011 — G. Stump, A. R. Hippisley. Valence Sensitivity in Pamirian Past-tense Inflection: A Realizational Analysis. A. Korn, G. Haig, S. Karimi, P. Samvelian (eds.). *Topics in Iranian Linguistics*, Vol. 34. Wiesbaden: Reichert, 2011. P. 103–115.
- Vostrikova 2010 — N. V. Vostrikova. *Tipologiya sredstv vyrazheniya eksperimentivnogo znacheniya* [Typology of means of expression of experiential meaning]. PhD thesis. Moscow: Moscow State University, 2010.
- Vydrin 2010 — A. P. Vydrin. Kontrafaktiv v iranskikh yazykakh [Counterfactuals in Iranian languages]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2010. Vol. VI. Part 3. P. 31–38.
- Vydrin 2023 — A. P. Vydrin. Tipologiya osetinskiykh glagolnykh paradigm [Ossetic verbal paradigms in a cross-linguistic perspective]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2023. No. 2. P. 89–113. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.89-113.

- Vydrin, Mazurova 2023 — A. P. Vydrin, Yu. V. Mazurova. Zona perfekta yagnobskogo yazyka [Perfects of Yaghnobi]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2023. No. 6. P. 138–164. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.138-164.
- Wendtland 2009 — A. Wendtland. The Position of the Pamir Languages within East Iranian. *Orientalia Suecana*. 2009. Vol. 58. P. 172–188.
- Yusufbekov 1999 — Sh. P. Yusufbekov. *Sanglechskiy yazyk v sinkhronnom i istoricheskom osveshchenii* [Sanglechi from synchronic and historical viewpoints]. Moscow: S. n., 1999.

Получено / received 15.06.2024

Принято / accepted 15.08.2024